

● ● ●
Большинству не интересен. Потому
жизнь проходит среди песен на дому.
Самому шепчу, под запись или так.
А душа, она от плоти—ни на шаг.
Разохотишься, расхочется—молчит.
Мизантроп, правдоискатель-интуит.
Заскучал—и зазвучала невбепад.
Что случилось? Почему себе не рад?
Раз—гастроли, два—гастроли. Надоел.
Как фанера над Парижем пролетел.

● ● ●
*Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы...*
А. С. Пушкин

В двадцать лет? «под Бродского»? Нормально.
В двадцать пять? Ещё куда ни шло.
Но потом... Неправильно. Провально.
Если по-простому—западно.
Да, провально. Да, неисправимо.
Синтаксис привился и пророс.
Кто они, промчавшиеся мимо?
Шебутной на «мерине» «барбос»,
фифа-эрудиня пешкодралом
или тот, кому по кайфу рэп,
тихой сапой или со скандалом.
Не оригинален, а нелеп
колкий слоган, перевод о жизни:
«Сразу не успеешь—никогда
не успеешь; точно—не в отчизне.
Бродский не сумел, а ты—куда?!»
В чартах, чатах, плейлистах и топах—
чепуха, пиар и плагиат.
Ловчий слов то в «штопоре», то в стропах
«тонет», как спортивный акробат.
В сорок лет другим уже не станешь.
В пятьдесят—известен результат.
Бремя славы, конъюнктура, статус
или резонанс и самиздат.
Как подъём-переворот у цели—
«соло» на повышенных тонах.
Это жизнь: колёса и качели,
творчество, затворничество, прах.

ОХОТНИК

Памяти норильского поэта Сергея Лузана

Конец связи. Ты—«в завязке».
Как собака породы хаски,
наблюдаешь тепло, но пристально:
пуст эфир, только эхо выстрела.
Слово—пуля. Твоё—в Истории.
Но вернётся. По траектории.
Потому что *всё* возвращается.
Потому что жизнь не кончается.
После смерти поэту пишется
пуще прежнего—легче слышится.
В нос—ни грамма, в душу—ни сантимента.
Работаем до последнего клиента!

● ● ●
Жизнь коротка, хотя и вечна.
Беги и жди, дрожи, как свечка,—
не о себе. Гори, как спичка.
Всё ничего, но есть привычка.
Жизнь хороша, а жить непросто.
Танцуют все. И есть партнёрство.
Рискуют все. Не будь как все.
Не о тряпье и колбасе—
о ком-нибудь другом подумай,
когда располагаешь суммой.
Себя—*по сути*—оцени.
Угомони, остепени.
Повремени с решением твёрдым.
Будь стойким, но не будь упёртым.
А беспокоиться не стоит.
Пройдёт платёж, и он покроет
долги бандитам и партнёрам.
Или издохнешь под надзором.
Что за комиссия, Создатель?
Гражданский судит о солдате
иначе, чем штабная свора.
Мы все во власти у прокурора,
на кончике его пера.
Скажи, что нет,—и пей с утра.
Уже не ад, ещё не рай.
Дисбат не светит? Кочумай!

- «Только люди плачут слезами. А вы не знали?»
«Бога нет, иначе дети бы не страдали»,—
говорят и думают те, кто Его не слышит.
— Возлюби ближнего твоего, и любовь всё спишет.
— Прямо сейчас, не завтра?
— Сию минуту.
— Кого конкретно?
— Кого считаешь нужным.
— Нужным—кому? Себе?
— Вообще. Всецело.
Сначала душа. Потом, если можешь, тело.
— Радует то, что редко раскаиваюсь в стихах,
но встречает надежда, когда провожает страх.
Что интуит-сочувственник, не интеллектуал-эрудит.
— Возлюби ближнего твоего, это не повредит.
Вера—горный родник, кислород без примесей.
Сколько жизней твоих на себе она ещё вынесет?
Неблагодарный затворник, восторженный индивид,
почему твоя жизнь, как цепь электрическая, троит?
Не догадываешься? Взгляни на себя, оцени всецело,
как в Боге едины с Духом душа и тело.

Над могилой Рихарда Вагнера

Он умер в Венеции, накануне Дня всех влюблённых...

1.

Занесло—и остался. Созерцал, рифмовал.
И Шопен продолжался, когда Скрябин играл.
Уходящие вальсы завершал Парсифаль.
Вагнер слышал нюансы, и менялся Грааль.
Всем, кому не сидится, всем, кому не впервой,—
белая голубица реет над головой.
Кто не сдулся, не сдался, к покаянью пришёл,
тех от фальши и фарса защищает глагол.
Кто легко и открыто о себе говорит,
где ничто не забыто и никто не забыт.

2.

Бархат, атлас, шёлковые, золотые нити.
Шитьё в раскол и в прикреп.
Измену припомнят, забудут о флирте.
Мыло, соль, спички, вода и хлеб.
Сингер-сонграйтер не пишет в стол.
Какой предлог, такой и глагол.
Подвесь слезники на ось и вкручивай глаз.
Бисер, стеклярус, жемчуг, сладкий газ.
Виртуаль, пиратствуй и не канючь.
Делай что должен, твори «под ключ».

3.

Фейербах, Шопенгауэр, Ницше.
«Вулканический» сверхчеловек.
Не воинственный демон, а нищий
духом ангел, не падший, не лишний.
Не «Титаник», а Ноев ковчег.
Он верил в Любовь, как в Бога.
Туда ему и дорога.

● ● ●
Фестивали, танцы, рауты и вояжи.
Экономика доморощенного философа.
Обыски, провокации, «наши», «не наши».
Пошаговая плановая катастрофа.
Янтарный, икорный, игорный бизнес.
Сетевые империи, явный сговор.
Прибалтийские, каспийские контрабандисты,
столичные воротилы — «грабли» в гору.
И тут — откровенность за откровенность.
Следи за базаром, не путай масть.
Собака хранит человеку верность,
когда хозяин теряет власть,
силу, влияние и здоровье.
Хозяин — больше, чем «свой-чужой».
Бери, когда отдают с любовью,
И не стесняйся вернуть с лихвой.
Смена команд и «распил» бюджета.
На рынке нет иной мотивации.
Главное — денежная «котлета»,
несъедобная, как булка великой нации.
Завидовать некому, пожалеть можно каждого.
Стою в притворе, не подхожу к алтарю.
Дожина стукачей на одного непродажного.
Апостол Павел. Я о нём говорю.

● ● ●
Интроверту зачем по душам разговоры?
Интернет для него — как магнит.
Заходи — и откроется «ящик Пандоры».
Ждать не нужно — сейчас «прилетит».
Как на крысу реакция Гамлета, в стиле:
так и быть, пропадай, золотой!
Раньше крымскому хану «поминки» платили
за мирской и церковный покой.
Силовик оборзел, отшатнулся сановник.
Имиджмейкеры держат фасон.
Голосуют — за всех — вахтовик и надомник,
и грядёт сериальный сезон.
Карнавал-маскарад, бесшабашная лажа.
Нахватались чужого дерьма.
Бутафория крутится у Эрмитажа,
а вокруг — долговая тюрьма.

Сад «Вена»

Гуляю в парке, листья ворошу.
Им нет числа, и новые ложатся.
В густой венок кленовые свяжу
и арендную лодку покатаюсь.
С воды картина кажется иной —
особенною с самого начала.
Потом я понимаю, что со мной,
и скучно добираюсь до причала.
Багряное роняя в рыжину,
раскидывая руки, словно сети,
подхватывая новую волну,
восторженно переживают дети.
Присядь в кафе и сладко предвкушай
целебный чай с ватрушкой или слойкой.
Тепло души не льётся через край.
Тепло души стекает тонкой струйкой.
Внезапно осень станет не видна
из-за дождя, упавшего на город.
Летучая, дрожащая «стена»
обрушится, смешав тепло и холод —
в туман и мрак. Томление души —
привычка впечатлительной природы.
В соседней с парком церкви — витражи
и даже лики кажутся понуры...
А понедельник в парке — выходной.
И лодки перевернуты, и стулья.
И мамы с малышами по одной
дорожке круговой часами рулят.

Осень на море

Листья покружат, исчезнут под снегом,
явно не напоказ.
Рядом, на дне, освещаемом небом, —
осень волнуется «раз».
Серой становится и не волнует.
Краски ушли, как планктон.
Листья застынут и перезимуют,
лягут цвета в полутон.